У нѣмецкой границы.

(Отъ нашего корреспондента).

Базель.

1.

Въ Базелѣ созрѣвала мысль Ницше. Его любилъ Беклинъ. Здѣсь профессорствовалъ много лѣтъ достойнѣйшій Яковъ Буркгардтъ и жилъ нѣкогда математикъ Бернулли; дѣйствовали и Эразмъ, и Гольбейнъ; домъ Эразма стоитъ досель средь безлюднѣйшей улицы; временами живали по близости: Гриневальдъ и Неттесгеймскій Агриппа.

Такого созвѣздія яркихъ, славныхъ именъ, восходившихъ надъ Базелемъ; оно связано съ возрожденіемъ и эпохой великаго Гуманизма; въ это славное прошлое подымается тихій Базель розоватыми и сѣро-пепельными башнями; и сѣрые замки торчатъ здѣсь оскалами; они сидятъ на Юрѣ; на лѣсистыхъ отрогахъ Шварцвальда, на гребняхъ Эльзаса.

Многія битвы шумѣли подъ Базелемъ; первое пораженіе рыцарей швейцарскими мужиками произошло здѣсь по близости; нынѣ надъ грудою человѣкъ подымаетъ крестъ свой часовня.

Сходятся здѣсь и Шварцвальдъ, и Юра, и Эльзасъ; самъ же Базель въ долинѣ; холмики избороздили ее; съ холмиковъ подымается онъ; грудами черепичатыхъ домиковъ, сѣророзовымъ Мюнстеромъ и прекрасною Ратушей привстаетъ онъ надъ Рейномъ; весною ликуютъ въ гирляндѣ его старенькіе домики; многіе зацвѣтаютъ въ садахъ; осенями и зимами онъ дымится туманомъ; по немъ бѣгаютъ [illegible] неизмѣнныхъ [illegible]; всюду обиліе очень старыхъ, каменныхъ, прекраснѣйшихъ, поставленныхъ бассейновъ; подымаютъ статуи столбики золотого рыцаря, [illegible] въ [illegible] [illegible], или просто драконтика, извергающаго струйку чистой воды; улички здѣсь горбаты и кривы; тусклые фонари на стѣнахъ; и многоглазые домики [illegible] [illegible] выступами; бѣдно одѣтыя кучечки собираются подъ выступомъ; [illegible] мечтательны люди; или сосутъ трубки; и провожаютъ васъ взглядами; изъ оконца порою вы увидите [illegible] старика; и онъ жуетъ трубку; выпираетъ изъ-подъ него (очень часто забитою) грудой бѣлый войлокъ; непремѣнно покажется вамъ, что оконная рама есть рама портретовъ Гольбейна, которые вы видѣли въ [illegible] въ базельской галлереѣ, въ книгохранилищѣ ли, гдѣ работалъ отрадно; на старикѣ былъ беретъ; и рисовался на фонѣ онъ изъ голубоватыхъ и блѣдно-зеленыхъ матерій.

Этого старика вы увидите: въ котелкѣ, въ косо скроенномъ пиджакѣ, съ дымно-бурой сигарой въ рукѣ въ болѣе молодыхъ частяхъ Базеля; онъ покажется жалокъ такъ.

Непріязненно отбѣгаетъ новый Базель отъ Рейна грудами невысокихъ торговыхъ домовъ и кубами [illegible] построекъ; хорохорятся суетливой гримасой нѣмецкой провинціи его банки, таверны и лавки съ характерными надписями въ родѣ «Тысяча брюкъ»; раздувается въ огромный вокзалъ; и желтѣетъ отъ скуки. Этотъ Базель напоминаетъ толстаго буржуа; буржуа собираются въ «Казино»; поднимаютъ тамъ [illegible]; и тупо тычутъ въ шары билліардными киями; а улицы суетятся; людъ идетъ непрерывенъ; въ говорѣ голосовъ временами прорѣжется глухой говоръ орудій съ эльзасской границы.

Если бы вдругъ въ толпѣ перепутать носы, глаза, спины, руки и далѣе самые цвѣта тканей въ безотрадно нелѣпыя сочетанія, то получилась бы точная копія базельской уличной жизни, гдѣ всѣ платья [illegible], подбородки враждуютъ съ ушами, а ритмы рукъ съ ритмомъ ногъ; точно сотрясся тѣлесный составъ человѣка; и оставшійся [illegible]—базельскій буржуа. Въ немъ типично-швейцарское стерто; оно не стало нѣмецкимъ; базелецъ стоитъ одиноко; онъ—мозаика, выцвѣтающая отъ времени и потому однотонная; однотонность безсердечны,—канва впечатлѣній; [illegible] не достигло размаха городскихъ большихъ центровъ, мѣстное стерто, [illegible] слова цвѣтъ; и скрючивая пересыпь словъ, очень громкихъ, гортанныхъ, будто трескъ [illegible] другъ о друга, перетираетъ въ кафе всѣ газетныя свѣдѣнія; базелецъ не довѣряетъ газетамъ и ходитъ въ концерты на громозвучныхъ пѣвцовъ басовъ, теноровъ, баритоновъ и «[illegible]»; любитъ онъ оркестръ барабанщиковъ.

Оркестръ барабанщиковъ—украшеніе Базеля.

Слово базельца напоминаетъ скрипѣнье кремня, а не порханіе бабочекъ: бабочка отряхаетъ пыльцу; изъ кремня летятъ искры: искрами горячаго гуманизма и огромной волей къ добру загорѣлся онъ въ дни войны; странное сочетаніе онъ изъ примитивнѣйшихъ предразсудковъ и очень тонкаго такта; въ базельцѣ подчеркнулась не простая обязанность быть корректнымъ со всѣми, а активная воля быть воистину человѣкомъ; развитіе соціальнаго такта сказалось въ проявленной мягкости—пусть хотя бы ко мнѣ. Я тѣмъ болѣе цѣню этотъ тактъ, что населеніе по интересамъ и связямъ естественно тяготѣетъ къ Германіи. Базельскій обыватель—наполовину въ Германіи; въ нѣсколькихъ километрахъ лишь Баденъ, и на нѣсколько километровъ подальше—Эльзасъ; населеніе у границы смѣшалось и близость къ Германіи напечатлѣна на мелочахъ внѣшней жизни; вы здѣсь встрѣтите и пивную изъ Мюнхена и германскую лавочку, и чиновника въ характерной прусской фуражкѣ: въ Базелѣ—нѣмецкая таможня.

2.

Я на-дняхъ постоялъ въ десяти шагахъ отъ Германіи. Я смотрѣлъ на открытую жизнь по ту сторону нѣмецкой границы; крутобокія горы пушились набухшими почками; одуванчики зацвѣтали, и освѣжались долины цвѣтущими вишнями; переговаривались желтосѣрые ландштурмисты; и поглядывали на насъ, держа ружья подъ мышками; по Германіи бѣжалъ поѣздокъ, и тихая вилла глядѣла съ холма... Съ перепѣшемъ подъѣзжалъ я къ границѣ; изъ-за цвѣтовъ и кустовъ побѣжали на «трамъ» [illegible] веселыя [illegible]; и уже вотъ онъ, вотъ пабѣгающій Базель съ кубами сѣрожелтыхъ торговыхъ домовъ и съ гортанно-вѣщающимъ людоходомъ; Рейнъ и сѣрыя башенки показались и скрылись; вотъ проползъ зарейнскій рабочій кварталъ; показались нѣмецкія лица; показалось обиліе неизбѣжныхъ пивныхъ: зарейнская часть стремительно переходитъ въ границу; вотъ—построенный на швейцарской землѣ баденскій нѣмецкій вокзалъ: широчайшее помѣщеніе въ тяжеловѣсныхъ колоннахъ и глотавшее поѣзда, и плевавшее поѣздами; оборвался токъ товаровъ; съ войною артерія эта перерѣзана здѣсь; запертый вокзалъ пустъ; на огромномъ перронѣ — никчемная кучка: характерные прусскіе картузы съ высоко поднятымъ краемъ.

Кончился Базель: поле...

Прожелтилось, проголубѣло цвѣтами оно; солнцемъ и травами засмѣялась долина и утянулась прямо въ горы: это—горы Шварцвальда; вотъ бѣлая деревушка, вотъ церковь: отчетливы; перебѣжать бы лугъ да на холмикъ! Нельзя: это—Баденъ; перебѣжишь,—и не вернешься обратно.

Остановился «трамъ»: мы—выходимъ.

Въ этой окраинѣ уже все швейцарское смыто; домики, воздухъ, парки, улыбающееся все: мелькаютъ эльзаски съ огромными черными бантами; тѣ зарейнскія горы—Эльзасъ; эти—горы Шварцвальда; Юра отступаетъ; небольшая долина отдѣляетъ границу отъ пригорода; между тѣмъ сѣролиловыя стальныя зданія старыхъ эльзасскихъ домовъ кричатъ инымъ бытомъ, иною, болѣе широкой культурою—несомнѣннымъ вкусомъ; вотъ—уличка перерѣзалась надвое: точно такъ на мгновеніе опустился шлагбаумъ—на мгновеніе перервать людоходъ, и потомъ приподняться; но деревянная загородка строга: то—граница; здѣсь швейцарскій поселочекъ, Рэнъ, тамъ—баденскій Лёррахъ, гдѣ производятъ осмотръ пріѣзжающимъ изъ Швейцаріи ландштурмистамъ; два швейцарскихъ солдата строжайше блистаютъ штыками; они—изъ романской Швейцаріи (здѣсь войска изъ Женевы); на итальянской границѣ вѣроятно дежурятъ солдаты нѣмецкой Швейцаріи: гарантирована строгость осмотра.

Вотъ какая-то кучка, покинувши деревянный нѣмецкій баракъ (гдѣ производятъ осмотръ), хлопотливо бѣжитъ черезъ уличку; и военный, выйдя изъ будки, который рядомъ съ нами, уже провѣряетъ бумаги, другой смотритъ на насъ; спутникъ мой къ нему обращается:

— Странно вѣдь: перейти вотъ вѣдь уличку; и—попались...

— ?

— Мы—русскіе.

Улыбается черноусый солдатъ; и—говоритъ по-французски, кивая на ландштурмистовъ:

— Имъ до Москвы не дойти...

— Ну, куда тамъ!..

— Они голодаютъ.

Мы поглядываемъ на кучечку нѣмецкихъ солдатъ; тѣ—на насъ; это—преклоннаго возраста люди въ сѣрожелтыхъ мундирахъ; у одного—серебряная голова; онъ сутулый и рослый; и отчего-то—печально: отходимъ мы.

3.

День лазуренъ, прохладенъ; на верандѣ тихаго пансіона сидимъ и пьемъ кофе: спутникъ мой, докторъ гейдельбергскаго университета (онъ—русскій) вспоминаетъ годы студенчества: умеръ вотъ Виндельбандъ; Риккертъ профессорствуетъ теперь въ Гейдельбергѣ; убитъ Ласкъ; у Гуссерля убитъ сынъ: Когенъ же пріѣзжалъ изъ Германіи въ Базель: видѣлся съ ученикомъ своимъ, русскимъ... Подъ ногами, внизу, за холмомъ, саженяхъ въ тридцати отъ насъ, на лужайкѣ трясется маленькій, почти игрушечный флагъ; то—граница; вечеромъ замечтаешься, голову кверху поднимешь (непобитое небо дрожитъ, переливается звѣздами!)—и, мечтатель, въ Германіи ты: можетъ быть, тебя подстрѣлятъ, засадятъ... Сторожевыя нѣмецкія будки явственны тамъ на склонѣ горы. Тихо рѣетъ военный баллонъ въ нѣжномъ воздухѣ надъ Эльзасомъ; и какая-то дама на него поднимаетъ лорнетку.

Въ память врѣзалась мнѣ эта тихая, мирная мѣстность: крутобокія горы опушились набухшими почками; и освѣжались долины шапками зацвѣтающихъ вишенъ; по Германіи бѣжалъ поѣздъ; ландштурмисты миролюбиво поглядывали, и высилась такая вилла съ пологаго холмика Бадена.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ: кровавое происшествіе было здѣсь; не говорили о немъ; прошло оно незамѣтно: русскіе плѣнные переходили границу; трое были убиты; четвертый—попался. Говорятъ, эта тихая мѣстность кишитъ шпіонажемъ; и, попадая въ глухую деревню, вы видите: подозрительный взглядъ у окна, провожающій васъ; уже значительно далѣе, отступая отъ границы, остановили однажды меня; и потребовали бумаги; разумѣется, отпустили: претендовать не могу я: грозовая туча войны незамѣтно въѣдается въ воздухъ.

И порою мнѣ кажется—запахнувшись въ свой плащъ, на глаза принадвинувши шляпу, кто-то сидитъ на «трамѣ» у нѣмецкой границы; прикрывая впадины черепа, будетъ бѣгать по Базелю; и потреплетъ дѣтей костяною рукою своею; или сядетъ въ тавернѣ—«инкогнито»: за газетнымъ листомъ хохотать оскаленнымъ ртомъ.

Есть въ базельской галлереѣ гравюры Гольбейна; серія ихъ называется: «Danse macabre»; жизнь королей, полководцевъ, духовенства проходитъ въ ней, но скелетъ сопутствуетъ этой жизни; онъ такъ лукаво вплетается, и плутовато приплясываетъ...

Я гуляю по кривенькимъ уличкамъ; и безотчетно мнѣ кажется: тамъ, у сѣраго бока домишки, изъ-за лиловыхъ глициній—просунется черепъ; и плутовато оскалится на [illegible] кучку людей, собравшихся у бассейна, гдѣ свои богомольныя руки сложилъ [illegible]... на каменномъ столбикѣ.

По горбатенькимъ уличкамъ бѣгаютъ осенніе туманы; и мокрые глянцы; и рыжими пятнами тускловатые фонари освѣщаютъ дома: подъ фонаремъ запахнувшись въ свой плащъ, плутоватое инкогнито, смерть, приподымаетъ вамъ шляпу...

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.